

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) +140.8

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-4-74-80

Батурина И.В.

Московский технологический институт

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА Н.А. БЕРДЯЕВА

Аннотация. В данной статье исследуется философия творчества Н.А. Бердяева. Проблема творчества приобретает у Бердяева очень специфический и далёкий от всякой ортодоксальности окрас, поскольку Бердяев говорит о некоем новом, третьем откровении, которое даётся человеку через творчество, и в этом откровении центром выступает вовсе не Абсолют, а сам творящий субъект. В работе показано, что Бердяев различает три ступени в эволюции человечества: этику и принцип закона (следование Ветхому Завету), этику искупления (Новый Завет) и абсолютную этику и торжество свободы в творчестве. По Бердяеву, творчество есть обнаружение богоподобной природы человека, и поэтому путь творчества есть также путь преодоления «мира», есть вершина духовной свободы и благодати, предельное восхождение человека к истине и добру.

Ключевые слова: философия творчества, третье откровение; эмпирический, рациональный и интуитивный типы познания; предмет знания, реальность, непознанное, метафизика бытия, акт творчества.

I. Baturina

Moscow Technological Institute

N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF CREATIVITY

Abstract. This article deals with the philosophy of creativity by N. Berdyaev. The problem of creativity by Berdyaev acquires a very specific, far from the orthodox meaning. Berdyaev's concept deals with some new, the third insight, which is given to man through creativity. The center of this insight is not God as the absolute, but the agent of creativity. Berdyaev discloses three stages in the evolution of humanity: the ethics and principle of the law (Old Testament), the ethics of redemption (New Testament) and absolute ethics and the triumph of freedom in creativity. According to Berdyaev, creativity is a discovery of a divine nature of man and therefore the way of creativity is also a way to overcome "the world"; it is the acme of spiritual freedom and godly

© Батурина И.В., 2015.

grace, the ultimate ascend of man to the truth and goodness.

Key words: philosophy, the third insight; empirical, rational and intuitive types of knowledge; the object of knowledge, reality, the unknown, metaphysics of existence, act of creation.

Н.А. Бердяев – один из ярких, выдающихся русских мыслителей, в центре внимания которого практически на протяжении всей его жизни стояла проблема творчества и творческого акта. Бердяева принято относить к русским религиозным мыслителям, и отчасти это вполне верно, поскольку весь пафос его философии глубоко религиозен. Но по духу, по своему мироотношению, по своим философским идеям Бердяев резко отличается от той традиции русской религиозной мысли, которая, например, развивалась в духовных академиях и в среде мыслителей, примыкавших к этому направлению. Без преувеличения можно сказать, что центральными темами для Бердяева были вопросы, связанные с проблемой человека и его душевно-духовной жизни: проблемы свободы, нравственного выбора, развития личности как таковой, проблемы добра и зла, этических начал человеческого общежития и другие. Бердяев всегда связывал с темой творчества как одной из актуальнейших в своей философии. Отношение к самой личности Бердяева при жизни было весьма неоднозначно; одним из его резких критиков и оппозиционеров, например, выступал другой выдающийся русский философ И.А. Ильин, полностью отрицавший концептуальные построения Бердяева. Некоторые из его идей критиковались С.Н. Булгаковым и П.А. Флоренским. Но как истинный философ, лучше всего Бердяев постигал себя сам, замечая в одной из последних своих книг – «Самопознание»: «Моё мышление интуитивное и

афористическое, в нём нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать» [1, с. 192]. Он говорил о себе: «Я больше всего человек мечты» [1, с. 96]. Бердяев в полной мере был романтиком не только по своему психологическому складу, но и по своему экзистенциальному мироотношению. Поэтому одна из важнейших тем в его творчестве – тема подлинной свободы, которая разрабатывается им многосторонне и сложно. Изначально очень остро ощущая эту проблему, Бердяев пришёл к мысли, что в мире человек, по сути, никогда не бывает свободен, не принадлежит сам себе и сам себя не знает. Философски оценивая бытие и реальность человека, мыслитель изначально понимал самую обычную, стандартную жизнь как глубинную метафизическую трагедию, и это привело его к однозначно жёсткому утверждению, которое он выразил в своей книге «Смысл творчества»: «Мир есть зло, из него нужно уйти. Свобода от мира – пафос моей книги» [2, с. 11]. Отметим, что проблема свободы – один из тех путей, который напрямую выводит Бердяева к вопросу о творчестве во всех его измерениях. Вторая краеугольная тема, обостряющая весь пафос философии Бердяева – проблема этики, относительность которой (этики) Бердяев постиг так же достаточно рано, как и метафизическую сущность понятия свободы. Проблема этики у него также одна из центральных и сложных. С одной стороны, Бердяев видит условность, и даже фальшь и наигранность разных этических принципов, которые

царят в человеческом обществе. Особенно ярко для него это обнажается в проблемах, связанных с темой пола, эроса, любви, которые в реальной жизни становятся социальными явлениями, подчинёнными только необходимости адаптации и приспособления. Одной из форм такого социального приспособления, по Бердяеву, выступает, например, семья: «Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистским, мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочением жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья<...> *Семья родилась из необходимости, а не из свободы.* Религиозно семья вся в Ветхом Завете, в законе, избобличающем грех» [3, т. 1, с. 203]. С другой стороны, Бердяев всегда понимал и сверхсознательную, иррациональную глубину этических движений человеческой души. По мысли Бердяева, этика своими корнями уходит в метафизику, и поэтому её сущностная природа принципиально символична, а символизм Бердяев понимает именно как отражение инобытия: «глубина бытия в себе, глубина жизни совсем и не «добрая», и не «злая»<...> Наша этика символична, и потому она слагается из парадоксов: её основной вопрос *совсем не о добре*<...>, а об отношениях между свободой в Боге и свободой в человеке» [4, с. 22–23].

Итак, две основные темы: свободы и этических начал в человеке – выво-

дят Бердяева к общей для них проблеме творчества. И в свободе, и в этике Бердяев пытается найти их абсолютный смысл и форму, но все попытки возвращают его к трагической ограниченности человеческого бытия как непреодолимому барьеру на пути к решению этой проблемы. В конечном счёте, Бердяев приходит к мысли, что только в творчестве для человека раскрывается благодатная энергия, дающая возможность достижения совершенной свободы, самореализации и абсолютно ценных, а не относительных, этических принципов. С этого момента в философии Бердяева начинается всесторонняя и глубинная разработка проблематики творчества. Одним из главных вопросов здесь выступает смысл и роль творчества в христианстве и отношении творчества к религиозной жизни вообще. Следует отметить, что проблема творчества и религиозного сознания вообще никогда не решалась однозначно, а у Бердяева она приобретает очень специфический и далёкий от всякой ортодоксальности окрас. По сути, Бердяев говорит о некоем новом, третьем откровении, которое даётся человеку через творчество, и, самое главное, в этом откровении центром выступает не Абсолют, а сам творческий субъект. «Творчество есть обнаружение любви к Богу и божественному, а не к миру сему. И потому путь творчества есть так же путь преодоления «мира». Но творчество есть иное качественное духовной жизни, чем смирение и аскеза, есть обнаружение богоподобной природы человека» [3, т. 1, с. 362]. Следует в этом контексте подчеркнуть, что Бердяев вообще различает три ступени в эво-

люции человечества: этику и принцип закона (следование Ветхому Завету), этику искупления (Новый Завет) и абсолютную этику и торжество свободы в творчестве. Тема творчества остаётся для философа всегда неоднозначной и сложной, он её разрабатывает в различных направлениях. С одной стороны, Бердяев не мыслит творчество вне христианского миропонимания: творчество для него есть вершина духовной свободы и благодати, предельное восхождение человека к истине и добру. Творчество «есть не что иное, как приобретение силы во Христе и через Христа» [4, с. 131]. С другой стороны, несмотря на всё религиозное понимание творчества, Бердяев был одним из тех мыслителей, кто очень проблемно поставил вопрос о принципиально противоречивом соотношении гениальности и святости; и вообще тема творчества и искупления – один из краеугольных вопросов всей философии Бердяева. Эта проблема предельно обостряется в его достаточно спорном учении о третьем завете, которое означает новые в плане исключительно творческого отношения Бога и человека в их главной особенности – равной свободе Бога и человека. Поэтому Бердяев даже к Новому Завету относился как к книге, открывающей абсолютную милость искупления, идущую от Бога к человеку, но ещё не дающую путей развития человека как могучей, не обременённой грехом и узкими оковами разума личности. Сама проблемность отношения Бердяева к христианству состояла в том, что он видел в нём высшую религию искупления, но не религию свободы; философ вообще задавался

вопросом, насколько религия позволяет реализовать свободу человека. «Смирение есть лишь средство, оно ещё негативно. Любовь к Богу есть цель, она уже позитивна. Любовь к Богу есть уже творческое преображение человеческой природы. Но любовь к Богу есть так же любовь к духовной высоте, к божественному в жизни. Эрос божественного есть духовный подъём, духовное возрастание, победа творческого состояния духа над состоянием подавленности, то вырастание крыльев души, о котором говорит Платон в «Федре» [3, т. 1, с. 356]. Исходя из подобных размышлений, Бердяев, в конце концов, так и не пришёл к возможности целостного мировоззренческого и религиозного соединения двух для него важных начал – гениальности и святости; для него они так и остались двумя благами, но принципиально разными путями духовного восхождения, причём, как ни парадоксально, философ делал вывод о большем трагизме гениальности и относительно духовном благополучии святости. «Путь святости – трудный путь подвига и требует необычайной силы духовной, отречения от низших сфер бытия. Но в пути святости есть безопасность личного устройства. Гениальность – по существу трагична, она не вмещается в «мир» и не принимается «миром». Гений-творец никогда не отвечает требованиям «мира», никогда не исполняет заказов «мира», он не подходит ни к каким «мирским» категориям» [3, т. 1, с. 175]. Во всех рассуждениях Бердяева о религии и творчестве виден глубинный романтизм его мироотношения, и в силу этого действительно подлинного романтизма

философ очень тонко и сложно ощущает трагизм творческого бытия и творческого акта. Более того, проблеме творчества у Бердяева невозможно понять отдельно от его антропологии. Наиболее ярко в рассматриваемом контексте выступает его книга «О рабстве и свободе человека», где автор признаётся, что в нём всегда была «влюблённость в высший мир», а к «низинному миру» – только жалость [6]. Именно в этом труде Бердяев разрабатывает одно из центральных и трагических для него понятий – понятие объективации, суть которого можно изложить как подчинение человека внешнему («низинному») миру («миру»), полную утрату им свободы, когда закрывается в сознании человека «дырочка», ведущая его в бесконечность – ведь «интересность и значительность человека определяется тем, что в нём есть дырочка, просверлённая в бесконечность» [4, с. 162]. По мысли Бердяева, человек – это существо, которое в принципе не может оставаться неизменным, в нём есть разные полюса – добра и зла, между которыми идёт извечная борьба за абсолютную власть в живой человеческой душе. Идя дальше, философ подчёркивает, что, по большому счёту, есть два пути выхода личности из безликой неопределённости своего существования: первый, наиболее распространённый, и есть объективация, когда человек принимает обыденщину и «общеобязательные» формы жизни за единственно возможный и верный способ бытия; второй путь – это «трансцендирование», когда сохраняется «жизнь в свободе», предельное своё выражение находящая в творчестве. Далее Бердяев подчёрки-

вает, что «объективация» всегда разрушает личность и по сути своей она «антиперсоналистична», так как превращает человека в трудовую единицу, максимум усилий которой направлен на послушание законам этого мира. Но ещё большее зло «объективации» философ видит в том, что её сила не минует и творческого акта, так как, по Бердяеву, любой творческий акт есть взлёт в иной, новый план существования, который заканчивается «результатом» творческих попыток, внедряющим нас вновь в «объективную» реальность с её сугубо приспособленческими законами. А это значит, что царство «мира низинного» со своими природно-смертными правилами вопреки всему проникает в область творчества, призванную быть чистой реализацией свободы и новым откровением о человеке. Вследствие этого сама тема творчества приобретает у Бердяева эсхатологический окрас и непреодолимый для человека трагизм. Проблема эсхатологии, особенно в позднем творчестве, пронизывает всю мысль Бердяева и неотделима ни от философии свободы, ни от философии творчества, причём особым, неповторимым образом: Бердяев сам как бы желает конца мира, ощущая невозможность абсолютной свободы человека и роковую печать объективации, которая лежит на всём, даже на творчестве. Для глубинного понимания связи темы объективации и эсхатологической проблематики у Бердяева следует обратиться к истинному религиозному пониманию философии творчества Бердяева, которое принадлежит В.В. Зеньковскому. Зеньковский отмечает, что печать роман-

тизма, которая всегда имеет очень субъективные корни, окрашивает весь религиозный мир Бердяева имманентизмом, неизбежным при умозрительном возникновении религиозных исканий. Зеньковский подчёркивает, что весь смысл творческой активности у Бердяева сводится к «мессианской страсти», к ускорению конца, так как всякая объективация подлежит разрушению через прорывы метаисторического начала. Но при этом Бердяев, по мысли Зеньковского, всегда отходит от действительности, не веруя в промысел божий и в Бога реальной силы, что и находит апофеоз в такой апокалиптической жажде разрушения всего и вся [7, с. 731–732]. В зрелом творчестве Бердяева не покидает проблема греха, имманентность которого человеческому существу он осознаёт очень остро и постоянно. Философ считает, что единственный и вершинный смысл истории может быть лишь в одном – искуплении греха, а для этого всякая история должна прекратиться ради наступления бытия в свободе, о котором можно сказать лишь то, что оно абсолютно противоположно миру сему.

Подводя краткий итог анализу философских воззрений Бердяева о творчестве, следует подчеркнуть, что они начались как вершина философской идеи вообще и гимн человеческой свободе, а в итоге пришли к неизбежности проблемы объективации и теме эсхатологии. Одной из причин этого резкого изменения замысла служит внутренний романтизм (т.е. большее неприятие мира, чем поиск абсолютного начала в нём), который является постоянной пружиной философского мышления

Бердяева. Но ещё более глубинной причиной непоследовательного развития философии творчества, на наш взгляд, служит умозрительная религиозность Бердяева, которая скорее есть жажда веры, нежели обладание подлинным религиозным опытом и духом откровения. Отсюда проистекает и очень неоднозначное отношение Бердяева к христианству, за что он снискал множество критики: с одной стороны, оно создаёт «рабью» психологию, царство морали и закона, с другой стороны, оно «есть не что иное, как приобретение силы во Христе и через Христа», а потому и подлинное творчество [4, с. 131]. В силу этих причин Бердяев не строит свою философию творчества как целостную систему; для него она есть блестящий анализ и диалектика свободы, взгляд в метафизические глубины человеческого существа и трагическое понимание силы греха и зла в мире. В теме творчества у Бердяева предельно обнажаются и обостряются все истинно философские вопросы, но парадоксальным образом даже творчество не в силах дать на них последние ответы и найти их разрешение. Таким образом, философия творчества Бердяева предстаёт открытым парадоксом мысли, что и свидетельствует о её подлинности и силе, так как однажды сам Бердяев написал: «Я мало верю в возможность и желательность всяких философских систем» [5, с. 10].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж: YMCA-Press, 1949.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: АСТ, Астрель, 2010.

3. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х томах. Т. 1. М.: Искусство, 1994.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993.
5. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, s.d., 1939.
6. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/orabstve-i-svobode-cheloveka/?utm_medium=cpc&utm_campaign=ym-new_filosofiya&utm_source=yandex (дата обращения: 25.10.2015).
7. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001.